

ПОРТРЕТ СЕМЬИ В ЗЕРКАЛАХ

ЕВГЕНИЙ КРЕМЧУНОВ

Родился в Смоленске, сейчас живет и работает в Чебоксарах. Поэт, прозаик, эссеист. Автор книги стихотворений «Облано всех», романов «Деление

на ночь» (2019, в соавторстве) и «Волшебный хор» (2023), повестей. Дванды становился финалистом национальной литературной премии «Большая книга» (2020, 2023).

Вчера вечером Л. мне вдруг говорит: «А я написал полтора листочка и, кажется, хорошо». Думая, что это новая попытка писать из времен Петра Великого, я не обратила большого внимания. Но потом я узнала, что начал он писать роман из жизни частной и современной эпохи.

Дневник Софьи Андреевны Толстой,
19 марта 1873 года

Анна вышла ему навстречу из-за трельяжа...

Лев Толстой. Анна Каренина.
Часть седьмая, глава IX

У каждой великой книги своя, не похожая на прочие, история. Замысел «Анны Карениной» явился автору в конце февраля 1870-го — за три года до того, как он начал работу над романом. «Ему представился тип женщины замужней, из высшего общества, но потерявшей себя», — так написала об этом тогда в дневнике Софья Андреевна. Однако до самой весны 1873-го воображение и творческие силы Толстого занимали многочисленные (и, с его точки зрения, не слишком удачные) попытки «писать из времен Петра Великого». Известно, что точкой, в которой началась вселенная «Анны Карениной», стал беглый взгляд, упавший на пушкинский прозаический отрывок «Гости съезжались на дачу...» в пятом томе анненковского издания. «Большой Взрыв» случился так: томик прозы Пушкина был случайно оставлен вечером Софьей Андреевной на окне в гостиной; на другое утро Толстой стал листать его за чашкой кофе — поначалу машинально, потом, втянувшись, увлеченно. «Многому я учусь у Пушкина, он мой отец, и у него надо учиться», — с восхищением сказал Толстой жене тем утром. А вечером принялся за черновые наброски нового романа.

Невооруженным глазом заметно, сколь разительно отличаются первые эпизоды этих черновинов от знакомого нам канонического текста. И дело, разумеется, совсем не в том, что будущие персонажи еще только призрачно мерцают, пона не обретая своих подлинных, окончательных имен и черт: Анна Аркадьевна Наренина оказывается здесь то Анастасьей, то Наной, то Таней — Татьяной Сергеевной Ставрович; Алексей Вронский — то Гагин, то Иван Балашев; Наренин — Михаил Михайлович Ставрович; Левин — Нерадов. Подобный перебор и подбор как раз таки дело обычное для чернового письма. Нуда важнее (принципиально важнее!) другое. Первые три наброска будущего романа открываются у Толстого сценой большого чаепития в гостиной княжеского особняка, где собирается после оперы светское общество. «Гости после оперы съезжались к молодой княгине Врасской» (такой фразой начинается первый вариант рукописи) — звучит прямым эхом пушкинского: «Гости съезжались на дачу ***». Однако не только о Пушкине напоминают эти сцены, беглые светские разговоры и сплетни (из которых читатель, кстати, незамедлительно узнает подробности семейной жизни Нарениных) — ведь ровно подобным же образом мы попадаем в историю «Войны и мира» через салон Анны Павловны Шерер. Лишь на четвертом варианте начала «Анны Нарениной» Толстой отказывается от «входа» в роман через этот парадный подъезд и светский вечер в особняке молодой княгини: здесь он выбирает более камерный эпизод беседы Гагина-Вронского с матерью и его встречи с другом Нерадовым (будущим Левиным). Впрочем, и такой вариант оказался быстро отброшенным автором.

В чем же тут дело? Почему Толстой после нескольких попыток отказывается от моментального погружения читателя в давно задуманный сюжет о «потерявшей себя женщине»? Как раз таким погружением он, по воспоминаниям, был восхищен в пушкинском наброске: «Вот как нам писать. Пушкин приступает прямо к делу. Другой бы начал описывать гостей, комнаты, а он вводит в действие сразу». Нет никакого противоречия: ведь и канонический текст «Анны Нарениной» с его знаменитыми «Все счастливые семьи...» и «Все смешалось в доме Облонских» тоже «вводит в действие сразу». Просто вход этот оказывается расположен вдалеке от изначально задуманного. Здесь, конечно, нельзя не вспомнить о том, что когда-то замысел «Войны и мира» также начинался с идеи романа о возвращающемся из ссылки денабристе, а действие его должно было происходить в 1856 году. Однако затем Толстой последовательно смещал начало действия сначала на 1825-й, затем на 1812-й и, наконец, туда, где и обнаруживал он истоки истории денабристов, — в 1805 год. Он начал в одно время и *издалека*, и *от печки*. И в этом опять же не было никакого противоречия.

То же самое, в сущности, случается в ходе работы над новым романом. Разумеется, сюжет о «потерявшей себя женщине» нигде не исчезает, однако оказывается, что теперь во главу угла поставлена *мысль семейная*. («Чтобы произведение было хорошо, надо любить в нем главную, основную мысль. Так в «Анне Нарениной» я люблю мысль *семейную*», — признается сам Толстой четыре года спустя.) Мысль эта раскрывается им в истории трех семейных пар: Облонских, Нарениных, Левиных. Строго говоря, и три эти семьи — троящая одна: ведь Облонский — и шурин Наренина, и будущий свояк Левина. А истории их, столь разные и несхожие между собою, отражаясь, накладываясь и дополняя друг друга, как в тройном зеркале трельяжа, позволяют увидеть живую жизнь семьи с различных сторон — глубоко, целокупно и совершенно.